

Метро 2033: Спасти́сь от себя

Автор:

Анна Калинкина

Метро 2033: Спасти́сь от себя

Анна Владимировна Калинкина

МетроВселенная «Метро 2033»Московские тайны #3

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Сталкер Сергей Истомин по прозвищу Датчанин не дорожит своей жизнью после смерти жены. И ввязывается в самые опасные передраги. Ему плевать на собственную судьбу, но есть девушка, которой он далеко не безразличен. Да только что у них общего – он еще помнит прежнюю жизнь, а она родилась в подземке и с детства видела лишь темные туннели. Она больше знает о населяющих их призраках и мутантах, чем о мире наверху. Под силу ли ей помочь измаявшемуся человеку спасти́сь от самого себя?

Анна Калинкина

Метро 2033: Спасти́сь от себя

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление обложки – Михаил Пантелеев

Карта – Леонид Добкач

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Объяснительная записка Анастасии Калябиной

Здравствуйте, дорогие друзья! Вы прекрасно знаете, что над книгой работает не один человек. Нас много – целый боевой отряд редакторов, и в этот раз приветствовать вас буду я, Анастасия Калябина – выпускающий редактор издательства АСТ, «правая рука» Вадима Чекунова.

Мне очень приятно работать с «Вселенной Метро» – это гармоничный, хорошо продуманный мир, который с каждым месяцем разрастается все больше. Я очень рада тому, что Дмитрий Глуховский подарил нам с вами целую книжную галактику, где можно творить, экспериментировать, жить.

Сейчас вы держите в руках эксперимент Анны Калинкиной № 7 «Спасти себя».

Не так много времени прошло после культурной революции XX века, открытия Фрейдом бессознательного и пр., с того момента, как человек убедился, что вся наша жизнь – это попытка убежать от себя. Выгнать прочь из памяти жуткие эпизоды биографии или забыться пьяным сном, чтобы не вспоминать и не думать. Но увы. Все мы, так или иначе, обречены на провал – либо наш мозг радостно подсовывает нам новую личину – и психиатр прописывает нам долгие беседы под антидепрессанты, либо мы становимся алкоголиками в запущенной стадии.

Человек – существо, хорошо адаптирующееся к самым трудным жизненным условиям. Вся «Вселенная Метро» трубит об этом. Но, оказывается, справиться с голодом, холодом, вечным мраком и радиацией человек может, а вот спастись от себя – не всегда. Что делать, если твой мучитель не оставляет тебя ни на минуту?

Бежать от себя бесполезно. Есть только один выход, но я его не одобряю и никому не советую. И не подействует правило «не можешь победить – возглавь» – мы же не Мюнхгаузены себя за волосы из болота тащить. Вот и остается только бесконечно долго бежать – топить горе, забываться, заставлять свое тело вырабатывать адреналин – рисковать, рисковать, рисковать.

Но что, если появится точка опоры – человек, который схватит тебя за волосы и попробует вытянуть? Ох, сколько их, разочарованных, бежит потом подальше от топкого болота. И я там был, мед-пиво пил... Но все же вдвоем шансов на спасение больше. На провал – тоже.

За спасение сталкера по прозвищу Датчанин взялась хрупкая девушка Ника. И я не сомневаюсь в счастливом финале, ведь хрупкие существа за счет того и существуют до сих пор, что обладают невероятной силой духа. Ника и себя убережет и Датчанина спасет – несомненно. А как думает Анна Калинкина?

Отрезанный от всего мира, на севере Московской области пытается выжить маленький поселок Мирный. Он обнесен стеной и состоит из модульных домов, герметичных и защищенных от радиации. Вроде бы маленькой колонии в сто с

лишним человек ничего не угрожает, кроме безнадёги и медленной деградации. Запасов должно хватить еще на десяток лет. Что делать дальше – никто не задумывается. Но внезапно люди начинают пропадать, просто уходя в никуда. Постепенно к жителям приходит понимание, что с этим местом и его окрестностями связана мрачная тайна, уходящая корнями в довоенное время. Но никто не представляет, насколько она ужасна.

Жизнь в Великом Устюге стала спокойной, насколько это вообще возможно в полуразрушенном постапокалиптическом городе. Казалось бы, живи да радуйся. Но, как оказалось, за спокойную жизнь снова нужно бороться – в соседней Лузе появился тот, кто назвал себя «хозяином города монстров». И хозяйничать он намерился не только у себя дома.

Группа ученых, исследующая природу геологических катастроф, еще не подозревает, что ей предстоит столкнуться с катастрофой более чудовищной и разрушительной, нежели вулканы. К тому же, катастрофой рукотворной – ядерной войной.

Спустя годы после этих событий три вулканолога вынуждены выживать в райском уголке, затерянном среди ужасного нового мира, созданного последней войной человечества. Условия жизни здесь, на краю земли, весьма благоприятные. Но людям тяжело отпустить прошлые обиды, поэтому иностранным исследователям приходится скрывать свое происхождение. Община выживших Камчатки едва ли пощадит итальянца и уж тем более американку, а также соотечественника, что их покрывал, когда правда перестанет быть тайной.

Сталкеры... Герои нового мира, нередко рискующие жизнью ради того, чтобы накормить и защитить остальных. Когда они возвращаются из походов, встречающие жадно слушают их истории о невероятных приключениях, сражениях с мутантами. Но есть вещи, о которых сталкеры не рассказывают никому. Авторы Вселенной «Метро 2033» попытались ответить на вопрос – о чем же молчат сталкеры? Итогом стали истории, вошедшие в этот сборник – увлекательные, иногда забавные, чаще – страшные.

Пролог

Сергей Истомина по прозвищу Датчанин сидел в сквере возле консерватории.

Ночь вокруг него была полна разных звуков и голосов. То и дело со всех сторон доносились то рычание, то вой, но Датчанин знал: самые страшные монстры подкрадываются бесшумно. Ему уже пора было уходить, но он как будто чего-то ждал. Как будто ничего не имел против того, чтобы один из этих монстров обнаружил его и избавил от необходимости пытаться как-то выживать и дальше.

Истомину считали везунчиком – сколько раз он ходил на поверхность, а смерть его не брала. Но ему от такого везения уже выть хотелось.

Впрочем, тому, кому жизнь надоела, свести с ней счеты было проще простого. Не так далеко от сквера находился Кремль. Если бы Сергей поддался соблазну, поднял глаза на кремлевские звезды, то, наверное, их свет был бы последним, что он увидел в своей жизни. А потом его приняла бы в свои ласковые объятия, убаюкала загадочная кремлевская биомасса, и он перестал бы существовать, растворился – знать бы только, что конец будет безболезненным. Увы, никто из ушедших в Кремль не вернулся, чтобы рассказать, как это все происходит.

Или можно было бы отправиться в Великую Библиотеку. Ее стерегли те, кого боялись упоминать без надобности. Смерть в Библиотеке, наверное, была бы более мучительной.

Но идти смерти навстречу Сергей боялся, а сама она сегодня вновь не явилась за ним, хотя здесь рыскали не только четвероногие хищники – забредали и

сталкеры Четвертого рейха, встреча с которыми тоже ничего хорошего не сулила.

«Нелепо выбрано место, – вяло подумал Датчанин. – В следующий раз надо будет к Зоопарку пойти. Тогда точно сожрут».

Не то чтобы Сергей был нытиком, но после смерти Маши он как-то перестал находить смысл в дальнейшей борьбе за выживание. «Ну, принесу я хабар, – размышлял он, – продам его удачно. Так ведь потом все равно все спущу на дурь, чтобы забыться и не вспоминать – и так до следующего выхода. А ведь это даром не проходит – я уже теряю форму. Руки начинают трястись, болит желудок – годы берут свое». Ему уже перевалило за сорок – в прежней жизни самый цветущий возраст. В подземке Датчанин уже считался стариком. Правда, молодые как раз погибали чаще, еще не умели осторожничать. А вот он уже рефлекторно реагировал на любую опасность, хотя для него-то как раз жизнь утратила всякую привлекательность. Все чаще приходило в голову: «Не проще ли покончить со всем одним махом?» Конечно, друзья советовали ему найти себе другую женщину, но он знал, что второй Маши не найдет.

Неподалеку маячил куст. Вернее, неопытный человек решил бы, что это высохший куст, а Истомину было очевидно – там караулит добычу горгон. Казалось бы, всего и дел-то – подойти поближе: как только Сергей оказался бы в пределах досягаемости, щупальца мутанта обвили бы его, подтягивая к жадному рту, скрывающемуся в обрамлении присосок. Сталкер вздрогнул: «Какая отвратительная смерть. Лучше уж не проснуться после очередной дозы веселых грибочков».

Небо чуть посветлело. Пора было на что-то решаться.

Он поднялся и свернул в переулок. Сергей Истомин по прозвищу Датчанин возвращался в подземку. И не пустой. В рюкзаке за спиной позвякивали банки и бутылки – удалось найти не разграбленную еще квартиру. Там и лекарства кое-какие нашлись. Удача выручила его и на этот раз.

А ему уже выть хотелось от этой удачи.

Не так давно на другом бульваре Истомин сложил погребальный костер – для Маши. Он-то думал, что они будут вместе долго – до самого конца. Но для нее

конец настал слишком быстро.

Последнее время ее постоянно тошнило. Волосы лезли пучками. Он любил ее и такую. Лучевая болезнь ее не пощадила.

Было еще кое-что страшное. Но он старался об этом не думать.

Сергей Истомин по прозвищу Датчанин возвращался в метро.

Глава первая

Ника. Тюрьма

Железная дверь подсобки с лязгом захлопнулась, оставив Нику в кромешной тьме. Видимо, заключенным света не полагалось. Пока девушку вталкивали в это тесное помещение, она успела разглядеть, что в дальнем углу лежат полусгнившие доски – какое-то подобие топчана. Туда она и направилась, стараясь не спотыкаться – ей вовсе не хотелось плюхнуться на грязный, скользкий пол. Добравшись до угла, Ника осторожно ощупала доски, чертыхнулась – кажется, все-таки занозила ладонь, но осмотреть руку в темноте все равно было невозможно. Вздохнув, она устроилась поудобнее, свернувшись клубочком, чтобы хоть немного спастись от промозглого холода.

Наверное, она задремала. И даже вздрогнула от душераздирающего скрипа, когда дверь приоткрылась вновь. Охранник, невысокий, белобрысый и щуплый, держал в руках исходящую паром алюминиевую миску.

– Ешь, девка.

Он взгляделся в полумрак, шагнул вперед и поставил посудину в двух шагах от заключенной. Ника торопливо протянула руки, чуть не обожглась, прихватила миску сквозь полу штормовки. «Хорошая была штормовка, теперь-то она испорчена окончательно. Ну и плевать, это – дело наживное, главное – выбраться отсюда, а для этого нужны силы». После первого же глотка этой отвратительно пахнущей, но горячей бурды тепло растеклось по жилам. Ника

уже не видела, как охранник, покачивая головой, шагнул обратно, и когда дверь захлопнулась за ним, не сразу поняла, что опять осталась в темноте. Она вылизала миску дочиста, и вскоре ей удалось заснуть.

Проснувшись, она некоторое время не могла вспомнить, где находится. Холод вновь подбирался потихоньку, уже замерзли ноги, озябли пальцы. Знаменитая тюрьма на Таганке. Девушка лежала, свернувшись в комочек, стараясь не тратить драгоценное тепло.

«Ну, и что ты теперь будешь делать, Вероника Дубовская с Красной линии? – ехидно спросила она себя. – Лежать здесь в вонючей темноте и ждать, пока явится прекрасный принц и спасет тебя? Не обольщайся, не до тебя ему, опять, небось, наверх отправился, да и не твой это принц вовсе. А ты бы хотела, чтоб он увидел тебя такой – в грязной рубахе, со слипшимися волосами? Что со мной, интересно, сделают? Предъявленное обвинение не столь уж серьезное. Могли бы просто выгнать со станции. Может, зря я намекнула, что на Красной линии за меня готовы будут дать выкуп? Хотела выиграть время, пока они будут проверять эту информацию. А когда поймут, что это не так, рассердятся еще больше». Она находилась здесь под вымышленным именем. А на Красной линии ее знали под другим, да если там и обыскались ее с фонарями, то разве что за тем, чтобы упечь куда подальше, вслед за отцом. Хотя и считалось, что дети за родителей не в ответе. Им давали шанс – помещали в интернат. Но с клеймом «дочь врага народа» жить на Красной линии было совсем не сладко. Да и какой интернат – она взрослая уже. Таким, как Ника, власть предлагала на выбор – тюрьма или замужество. Выйти за свинопаса, например. И это было еще слишком гуманно – свинопасы были в почете у красных. Впрочем, необязательно за свинопаса – да только кто ж другой оказался бы настолько глуп, чтоб связаться с дочерью изменника?

Ей удалось вырваться, но, избежав одной тюрьмы, она угодила в другую. «Что же мне здесь приготовили? А вдруг выгонят наверх? Туда, в мертвый город, где тишину нарушает лишь ветер, гоняющий по улицам мусор, где по развалинам бродят чудовища? Дадут в виде милости дырявый противогаз и старенькую химзу, почти не спасающую от радиации? Опомнись, Дубовская, – одернула она себя. – С таким воображением надо дома сидеть, а не дела делать. Да только где он теперь, мой дом? В этом-то вся и проблема – дома у меня больше нет, и родителей – тоже. И за что только судьба мне мстит? Ладно бы за счастливое детство – так нет».

Отец ее был преданным сторонником генсека Красной линии товарища Москвина и все призывы о равенстве понимал буквально, в отличие от многих других не столь щепетильных деятелей высшего эшелона власти. В итоге маленькая Ника ходила примерно в тех же отрепьях, что и прочие сверстники, – ведь стыдно выделяться среди других. Ну, разве что она чуть лучше питалась. И чувствовала себя неуютно: дети простых трудяг все равно на нее косились, в глаза льстили, а за спиной шушукались, и детки элиты тоже смотрели свысока, хоть и принимали в свою компанию. И все же положение отца создавало ей как бы щит, отделявший ее от остальных. Особенно хорошо поняла это Ника, когда отца взяли и этой преграды не стало.

Сверстники, которые прежде заискивали, теперь шарахались от нее, как от зачумленной. Почти никто не решался вступить за девушку. Спасибо, помог бывший коллега отца, друг семьи.

– Уходить тебе надо скорее, девочка, – сказал он.

– Куда?

– Все равно куда, лишь бы подальше. Тут тебя уже ничего хорошего не ждет. Уходи, пока они не спохватились. Не то возьмут и тебя – тогда уж не сбежишь.

Она это понимала. И ей не слишком жалко было оставлять все это. Ее согласилась принять одна семья в Полисе – когда-то, ребенком, Ника бывала там с отцом. Там было чисто, светло. Там заправляли брамины в серых одеждах, хранившие древние знания, и кшатрии – военные. А оттуда она попала сюда, в эту вонючую тьму ганзейской тюрьмы.

Здесь, в подземке, перейдя с одной станции на другую, человек мог оказаться уже в другом государстве. Говорят, несколько лет шли войны, пока границы держав определились окончательно. Но Ника из рук вон плохо учила новейшую историю – войны ее мало интересовали. Вот с географией у нее было хорошо – девушка могла без запинки ответить, какому государству теперь принадлежит та или иная станция. Ника знала, что есть Красная линия, есть Ганза, занимающая всю кольцевую, что Полис – это Библиотека имени Ленина и три соседние станции, что Рейх обосновался на Пушкинской, Тверской и Чеховской, а Китай-город держали бандиты, – это самые крупные государства, а помельче – Бауманский альянс, например, или Конфедерация 1905 года. «Ну, и что толку

теперь от моих знаний?»

И тут ее потихоньку вернула к реальности боль в животе. Ника уже некоторое время чувствовала спазмы, но старалась не обращать на них внимания. Видимо, зря все-таки она съела ту похлебку. Ее кидало то в жар, то в холод, кожа покрылась липкой испариной. К горлу подкатила тошнота, потом вроде стало чуть полегче, но через минуту желудок словно сжала чья-то рука, и девушку стошнило. После этого она испытала облегчение, но вместе с тем жуткую слабость. «Слишком уж ты нежная», – вспомнила она слова одного из приятелей отца.

И тут дверь снова противно заскрипела. То был тюремщик.

– Слышь, девка, – позвал он, – плохо твое дело. Шлепнут тебя, не иначе.

– Да за что? – простонала Ника, еле подняв голову. – Я ничего такого...

– Начальству видней, девка.

Ника от слабости уже и говорить не могла. «Вот и все», – подумала она. А часовой продолжал:

– Я б тебе помог, девка, жалко мне тебя. Только ведь жить-то всем охота. И жрать всем надо.

– У меня же все отобрали, – простонала Ника, сообразив, куда он клонит. – Хочешь, я тебе записку напишу – на Китае покажешь человеку одному, он тебя наградит.

– Кто его знает, чего ты там напишешь. Читать-то я не обучен.

– Слово даю, – просипела девушка.

– Ну, погодь тогда. – Часовой скрылся и вскоре вернулся с мятым клочком бумаги и огрызком карандаша. И светил фонариком, пока Ника из последних сил выводила:

«Выдать подателю сего сто патронов».

– Вот, – прошептала она, – придешь на Китай-город, спросишь там Лёху Фейсконтроля – его всякий знает. Он тебя наградит.

– Ладно, – проворчал часовой, – возьму грех на себя, открою тебе дверь – иди, девка. Жалко мне тебя. У меня тоже дочка была. Маринкой звали. До шести лет не дожила, умерла – больная родилась. Отчаянная ты, девка. Беги, да поскорей. Тут туннель нехороший, так ты стерегись – авось пройдешь.

Ника выбралась наружу и поплелась по шпалам. Записка, выданная часовому, была, конечно, филькиной грамотой. Лёха и не подумал бы отдавать за нее такую кучу патронов. «Неужели все-таки мне повезло? Пока это все обнаружится, я буду уже далеко. Да и на Китае меня не обидят, а вот если охранник туда притащится, пусть пеняет на себя».

Тот смотрел ей вслед, сжимая клочок бумаги. Он в любом случае остался не внакладе: ему достались все ее вещички. Был приказ вышвырнуть бродяжку, не переводить на нее казенные харчи. «Так чего ж плохого, – думал он, – если и о себе позаботиться? Ведь не за хорошие дела девку упекли».

Ника брела по туннелю, вспоминая все те ужасы, что ей рассказывали об этих подземных коридорах: о хищниках, которые бесшумно подкрадываются к жертве; о призраках, встреча с которыми сулит смерть, – жуткой Мамочке, Черном Машинисте. Редко случалось Нике оказаться в туннеле совсем одной, да только сегодня другого выхода у нее не было. Она на все была готова, лишь бы не сидеть взаперти, лишь бы вырваться из той вонючей камеры. По крайней мере, еще недавно ей так казалось. Но теперь, в темноте, страх навалился на нее, опутал, точно ватное одеяло, мешал дышать. «Что за шорох там, сбоку? Крыса? Или человек? А может, кое-что похуже – создания, живущие в самых глубоких туннелях, которые иногда выползают поближе к людям?» Ей приходилось слышать о гигантских пауках, каждый раз сплетавших сети на новом месте, о странных безглазых тварях с неимоверно развитым чутьем. А где-то неподалеку находился мертвый перегон, о котором рассказывали такое, что многие предпочли бы умереть заранее, только бы не попасть туда. И морлоки-людоеды – далеко не самое страшное, с чем там можно было столкнуться. Зажимая рот рукой, чтобы не скулить от страха, Ника молилась, чтобы смерть,

если настигнет ее здесь, оказалась быстрой и безболезненной. «Неужели я тебя больше не увижу?» – прошептала она, вспоминая серые холодные глаза, упрямый подбородок, светлые короткие волосы. Он бы не испугался, он сумел бы защититься сам и защитить всех, кто оказался поблизости. Ника, думая о нем, приободрилась немного. Ей казалось, что еще чуть-чуть – и она выйдет к станции. И тут девушка почувствовала, что в туннеле есть кто-то еще. Она даже не услышала – ощутила чужое дыхание. И замерла обреченно, не в силах сделать ни шагу.

Сразу вспомнились рассказы няньки. Укладывая маленькую Нику, та тихонько говорила:

«Нельзя по туннелям ходить одной. Бродят там души мертвые, неупокоенные, и деваться им некуда. Попадется им живой – начинают ему нашептывать, к себе звать. Не раз уж находили таких-то – лежит в туннеле человек. От чего помер, неизвестно, и на лице – страх. А бывает, что и улыбка – нашептали ему. Заманили».

Через несколько секунд Ника все же осмелилась тихо-тихо шагнуть вперед – и наткнулась на что-то мягкое. Тогда, не выдержав, она вскрикнула, рванулась, споткнулась, упала, чувствуя, как на нее наваливается что-то, и ожидая неминуемой смерти. Ей казалось, что она ощущает дыхание зверя у себя на затылке, что зубы его уже впиваются ей в шею. Но вместо этого рот ей зажала маленькая лапка.

– Тише ты, – раздался сердитый шепот.

У Ники отлегло от сердца. Мутанты разговаривать пока не умели, а те, что умели, вроде бы не питались людьми. Да и рука, зажавшая ей рот, была вполне реальной, хотя и холодной. Правда, все же не такой холодной, как у покойника. Но тут же Ника снова задрожала, вспомнив рассказы о том, как находили в туннелях убитых отравленными иглами.

– Ты кто? – спросила она, набравшись храбрости, когда чужая рука отпустила ее.

– Никто. Не кричи, а то придут, – голос был сиплый, но принадлежал явно девочке.

- Что ты тут делаешь?
- Прячусь.
- От кого?
- От тетки. От всех.
- Нашла, где прятаться. А Путевого обходчика не боишься? Или Мамочки?
- Мамочки своей я не помню. А обходчика боюсь, но тетки – больше.
- Ладно, – сказала Ника, – тогда прячься дальше, а я пойду.
- А ты кто?
- Я – Ника.
- А ты не принесешь мне потом грибов? А то я уже давно не ела ничего, – жалобно сказала девочка.
- Слизняков вон собирай. Или мох, – посоветовала добрая Ника.
- Так нет здесь мха-то. И слизняков не видно. Нашла самую малость, но давно. А у меня уж прям живот сводит.
- Пошли со мной. Я попрошу, чтоб тебя на станции покормили.
- Не могу. Если тетка увидит, она меня убьет.
- Что ж она такая злая, тетка твоя? Ты себя плохо вела?
- Она не моя тетка. Она меня подобрала и накормила, а теперь продать хочет.

– Не сделает она с тобой ничего, – уверенно сказала Ника. – У меня тут знакомые есть, пусть только сунется.

– Ну ладно тогда, – согласилась девочка не очень уверенно. Понятно было, что она боится, и если бы не голод, предпочла бы остаться в туннеле. А Ника, хоть себе бы в том ни за что не призналась, сразу приободрилась оттого, что теперь – не одна. Страх, который наваливался исподволь, отнимая последние силы, отступил – до поры до времени.

Когда они подошли к блокпосту, оказалось, что найденыш – тощенькая девчонка со сбившимися в колтуны светлыми волосами, в лохмотьях – таких заношенных, что даже ко всему привычная Ника подняла брови в изумлении. Все лицо девчушки было в полузаживших шрамах.

– На коже что? Заразная?

– Не, – испуганно замотала головой маленькая беглянка, – тут один было ко мне полез... а я его... а он меня.

– Отбивалась, в общем, – кивнула Ника.

На подходах к станции на путях лежали мешки с песком, образуя баррикаду, а за ними, на табуретах, сидели братки в кожанках и трениках и дулись, по обыкновению, в карты. Патрульные не ожидали с этой стороны серьезной опасности и задачу свою видели главным образом в том, чтобы исправно брать пошлину со всех входящих. Ника присмотрелась – вроде эти ребята не были ей знакомы. «Новенькие, что ли?»

– Стой, кто идет? – вяло окликнул один.

– Слышь, Лёху позови, – попросила Ника. Парень заржал:

– Какого тебе Лёху? Вот этого? А может, и я на что сгожусь?

– Да брось ты, Сиплый, это бродяжки. А ну, пошли вон, – замахнулся другой.

– Лёху Фейсконтроля позвал быстро, – голос Ники звякнул металлом. Девчонка испуганно посмотрела на спутницу.

– А-а, ну так бы сразу и сказала, – сбавил тон шутник. – Лёха, – крикнул он куда-то в сторону, – тут тебя красotka какая-то спрашивает.

Лёха материализовался моментально. Словно караулил где-то рядом. В неизменной косухе и растянутых спортивных штанах, светлые сальные пряди на плечах, лицо одутловатое – видно, перебрал вчера. Но взгляд цепкий, колючий. Увидев Нику, покачал головой, глядя на ее грязные, слипшиеся волосы, запавшие глаза.

– Эк тебя, однако, – и патрульному: – Пропусти.

Тот без долгих уговоров посторонился, и Ника, таща за руку бродяжку, поднялась на станцию, пошатываясь от слабости.

– Это кто с тобой? – спросил Лёха.

– Знакомая одна.

Он покачал головой.

– Ну, смотри, чтоб эта знакомая не стянула чего ненароком. Ты ей объясни: мы, где живем, не ворует. – И он захихикал, довольный собственной шуткой.

Ника стояла, пошатываясь. На нее косились, но ей было плевать. Опять, в который раз, она смогла выбраться из передраги. Она победила. Но сколько таких испытаний будет еще?

Девчонка рядом вся тряслась и пыталась вырвать у нее свою тощую, грязную ручонку.

– Не дрейфь, – сказала Ника, – теперь все будет хорошо.

В просторном станционном зале, освещенном несколькими обычными лампочками, рядами стояли разномастные палатки, а вдоль рельсов

расположились лотки, на которых торговали всякой всячиной. Сразу из нескольких палаток доносилась музыка, перекрывая гвалт обитателей и гостей станции. Полуголые девки зазывали прохожих. Девчонка-найденыш пугливо жалась к Нике, кажется, опасаясь, что ее впустили только по недоразумению и сейчас выкинут обратно в темноту.

Первым делом заглянув к себе в палатку и взяв чистые вещи, Ника отправилась в душевую – и девочку с собою потащила. В комнатке, покрытой старым кафелем, чуть теплая вода нехотя лилась из ржавой душевой лейки, но Ника блаженствовала. Оборванка же, наоборот, скривилась:

– И на фига это надо? Через день опять грязная буду.

Но Ника заставила-таки ее помыться, пригрозив, что иначе не накормит. Девчушка была тощая – все ребра пересчитать можно. Ника выдала ей свою старую рубаху – та вполне сошла бродяжке за платье. Лохмотья девчонки пришлось выкинуть – наверняка на них полным-полно было вшей. Сама девушка натянула любимые мешковатые штаны и рубаху необъятного размера – ей нравилось одеваться так, чтобы вещи висели на ней свободно: по крайней мере, никто не спутал бы со шлюхой, которых тут хватало. На ноги Ника нацепила пластиковые тапки. Покосилась на босые ноги девчонки, но промолчала: хватит с мало?й пока и рубахи. И потащила бродяжку в столовую. Под тентом, где стояли поцарапанные пластиковые стулья и столы, полуголый мужик жарил на мангале мясо непонятного происхождения. В другое время Ника сочла бы запах вполне приятным, но сейчас ее снова замутило. А у девчонки глаза сделались одурелые. Ника, поторговавшись, взяла ей грибную похлебку – продавец уверял, что на крысином бульоне. Себе взяла травяной чай, хоть и дорого – семь пулек пришлось отдать, как и за суп. Девчонка с наслаждением прихлебывала грибное варево, у нее даже пот на лбу выступил – так отвыкла, видимо, от нормальной еды. Ника мелкими глотками пила свой чай, чувствуя, как отогревается, как отпускает нервная дрожь.

Скандал разразился, когда они вышли из столовой. Средних лет сухопарая тетка в заношенной юбке с люрексом и вылинявшей кофте в цветочек схватила бродяжку за руку.

– Так вот ты где, такая-сякая. А ну, поди сюда. Я тебе покажу, как убегать.

- Не трожь ее, - буркнула Ника.

- А ты кто такая? - Тетка подбоченилась. - А ну, не лезь в чужие дела, шалава.

«Вот это она зря», - мстительно подумала Ника, краем глаза заметив, как собирается привлеченная скандалом толпа, как протискивается к ним Лёха Фейсконтроль. Оборванка вцепилась в Никину руку:

- Не отдавай меня.

- Не бойся. - Ника прижала маленькую бродяжку к себе, хотя тетка снова дернула девочку за плечо.

- Что же это делается, люди добрые, - заголосила тетка, хотя обступившие ее стриженные братки лишь ехидно ухмылялись, - родную племяшку отобрать хотят. Это ж сестры моей девчонка, Женькой звать.

- Врет она, - крикнула оборвашка, - никто она мне.

Высокая темноволосая проститутка с тряпичным цветком в волосах, красной кофте и пестрой юбке, до тех пор наблюдавшая сцену молча, шагнула вперед.

- Так это ты, тетенька, племяшку свою вчера Ржавому торговала? - спросила она.

Лёха переводил взгляд с одной на другую.

- Не врешь, Кармен? - сипло спросил он.

- Да чтоб мне сдохнуть, - уверила та.

- Успеешь, какие твои годы, - ухмыльнулся Лёха. Потом шагнул к тетке и уставился на нее не мигая. Несколько мгновений молчал. Под его взглядом та моментально скукожилась, в глазах ее мелькнул страх.

– Иди-ка ты отсюда, тетенька, подобру-поздорову от греха подальше, пока чего не вышло, – процедил Лёха наконец нарочито ласково, но так, что у окружающих по спинам холодок пробежал. – Не нравишься ты мне что-то. А у меня глаз наметанный, ни разу не подводил. Давай, ноги-то переставляй поживей, а то огорчу я тебя до невозможности.

У тетки слов не нашлось, она только икнула. И, пятясь, вывернулась из толпы. Ника улыбнулась защитнику, он подмигнул в ответ. Лёха питал слабость, иной раз даже бескорыстную, к симпатичным и бойким девушкам, кто бы они ни были, и к Нике в том числе. К ней он относился даже с долей уважения, потому что она торговала не собой. А кидать лохов, по его понятиям, было не запаadlo. К тому же Ника постоянно баловала его всякими мелкими подарками. А еще Лёха, железной рукой наводивший порядок в местных борделях, терпеть не мог, когда пытались торговать детьми.

Ника потащила девочку в палатку, которую снимала у Верки, все еще красивой темноволосой женщины лет за тридцать, державшей здесь пару торговых точек. Говорили, что Верка прежде была обычной проституткой – пока был на нее спрос, а потом перешла на торговлю всякими бабскими мелочами: шпильками, помадой и прочей ерундой. Ну, и девчонок клиентам поставляла – как без этого?

В палатке Ника первым делом устроилась на потертой подушке, на которой вышита была злобная морда с красными глазами – наверное, древний демон. Это была подушка матери – одна из немногих вещей, что остались у Ники на память о прошлом. Ника больше любила отца. Но и с ним пришлось проститься. Возможно, он был еще жив, но шансов увидеться у них почти не было, это она понимала. Его оттуда, где он теперь находился, не вернуть было. Разве что попасть туда самой. И то не факт, что она его там нашла бы.

Девчонка-найденыш быстро свернулась в клубок прямо на полу, покрытом вытертой тряпкой, и уснула – видно, ее сморило после еды. «Интересно, когда она последний раз ела досыта? Судя по всему, очень давно». Ника улеглась удобней и тоже вскоре задремала.

Когда она проснулась, девчонка сидела, обхватив свои острые коленки руками.

– Жрать охота, – пробормотала она, заметив, что Ника открыла глаза.

- Опять? – удивилась девушка. – Ладно, сейчас сходим. Так тебя, значит, Женькой зовут?

- Нет. Не знаю. Раньше Кулемой звали.

- Кто звал?

- Челноки. Я с ними ходила.

- А теперь они где?

- Не знаю. Делись куда-то. В туннеле был дым, я испугалась. Потом, когда дыма не стало, я их не нашла. А потом ко мне эта тетка прицепилась.

Ника хмыкнула.

- Про тетку забудь. И про погоняло свое – тоже. Кулема – это не имя. Что дальше делать собираешься?

Девочка с удивлением уставилась на спасительницу – кажется, бродяжка об этом не задумывалась.

- Не знаю.

- Можешь пока остаться тут, – сказала Ника, – но долго тебя кормить я не смогу. Я через пару дней уйду по своим делам.

Прошрое ее дело закончилось неудачно, поэтому нужно было срочно что-то придумать, чтобы подзаработать.

- А мне куда? – спросила оборвашка.

- Не знаю, – пожала плечами Ника. – Ты ж раньше где-то жила? Мамочки ты не помнишь, это я поняла. А другие родственники у тебя были?

Девчонка покачала головой.

– Не знаю. Не помню.

– Ну, это не мое дело, – устало сказала Ника. – Я не собиралась тебя себе на шею сажать.

Прежняя Ника не стала бы разговаривать так. На Красной линии даже потерявший родителей ребенок получал питание, пусть и скудное, и какой-никакой уход. Но бродячая жизнь приучила девушку ко многому. Да и дети встречались разные – некоторым из них лучше было в темном туннеле на пути не попадаться. Ника видела однажды труп челнока, убитого бандой подростков. Эта бродяжка была еще мала, но внешность бывает обманчива. «Может, она куда старше, чем кажется, просто выглядит худосочной от бескормицы».

– Я отработаю, – всхлипнула девчонка. – Не гони только.

– На что ты мне, – фыркнула Ника. – Ты, небось, только побираться умеешь. Я и так тебя накормила, от тетки твоей вызволила, теперь мне о себе думать надо.

Когда-то отец ее учил, что думать надо в первую очередь о других, более слабых. «Ну, и где он сейчас? И где бы я сейчас была, если бы выполняла его заветы? Прости, папа, – сморщилась Ника, – такая жизнь».

– Прогонишь – тетка меня опять поймает. Тогда все, – обреченно сказала девочка.

Ника хотела уже возразить, что это не ее проблемы. Ведь жила же девчонка как-то до встречи с ней – значит, проживет и дальше. Или умрет, если не сумеет приспособиться. О ней, Нике, тоже никто особо не заботился, но она ведь как-то выжила. И устроилась не самым худшим образом, хотя иной раз не знала, что будет с ней завтра. А слабым здесь было не место.

Но вдруг сердце девушки снова сжалось – померещилось, что в упор на нее взглянули те самые серые глаза. Она подумала о том, как бы Датчанин поступил на ее месте. Он – герой, он не бросил бы беспомощную нищенку пропадать. К тому же она, Ника, все же была старше, когда попала в беду. Можно сказать –

уже почти взрослая. А эта пигалица – еще совсем ребенок. И если когда-нибудь Датчанин узнает об этом ее поступке, то станет ее презирать.

Ника вгляделась в девочку пристальнее. О чем-то задумалась, разглядывая шрамы у той на лице. Взяла за ухо, повернула к себе, провела рукой по щеке.

– Ладно, – буркнула, – так и быть, оставайся. Но будешь работать.

Девчонка уставилась на нее чуть ли не с ужасом. Кажется, оборванка решила, что сбежав от одной тетки, попала в лапы к другой, такой же злой.

– Да не бойся, продавать тебя не стану, – фыркнула Ника. – Кто на тебя такую польстит. Будешь мне в делах помогать: найти кого надо будет или записку отнести. Хотя сама решай – можешь уйти, плакать не стану.

– Некуда мне уйти, – пожала плечами девчонка.

– Тогда оставайся. Тебе сколько лет?

– Не знаю, – пожала плечами та. На вид ей можно было дать лет семь, но Нике казалось, что на самом деле бродяжка старше. Видно, от плохого питания получилась девчонка мелкой. «Хотя, ее не поймешь, – подумала Ника, – иной раз такое брякнет, что пятилетней впору. Вот и гадай тут. Впрочем, какая разница?»

– Погоняло твое мне все-таки не нравится, – сказала девушка. – Давай придумаем другое.

Ника некоторое время перебирала в голове имена бывших подруг и морщилась от грустных воспоминаний.

– Значит, на Женьку отзываться не желаешь?

Девчонка яростно замотала головой – нет, мол, не хочу.

– Соней хочешь быть?

– Не-а, – покачала головой бродяжка. – Я хочу красивое имя, как у той, с длинным волосом.

– С таким именем ничего хорошего тебе не светит, – сурово сказала Ника. – Я уже поняла – чем чуднее имя, тем страшнее жить. Надо тебе попроще чего-нибудь придумать, поближе к народу. Ее, небось, мамаша тоже по-другому звала – если она еще помнит. А это, типа, партийная кличка – для работы.

– Платье у ней какое, – мечтательно сказала бродяжка.

– Да ну, – скривилась Ника. – Не завидуй.

– У тебя красивое имя – Ни-ка.

– Папа мальчика хотел. Придумал ему имя – Никита. А родилась я. Мне кажется, папа иногда забывал, что я не мальчик. Стрелять меня научил еще в детстве. Но имя, конечно, пришлось придумывать другое. Мама предложила назвать Верой. Сошлись на Веронике. Хотя папа иногда все-таки называл меня – Ники-та. Когда мама не слышала. Как же тебя-то назвать. Леной? Катей? Марусей?

– Мусей, – вдруг невнятно повторила бродяжка.

– Вот и славно, – обрадовалась Ника, подмигнула ей. – Ладно, раз с именем мы определились, будет у нас еще небольшая проблемка. Документов у тебя не имеется, конечно?

– Тетка забрала, – отводя глаза, пробормотала девчонка, на ее бледном лице проступил слабый румянец.

– Врать не умеешь – это хорошо, – одобрила Ника. – Не дрейфь, это не самая большая проблема, ксиву я тебе сделаю, есть у меня знакомые.

Девчонка уставилась на нее с таким обожанием, словно Ника пообещала ей что-то необыкновенное.

– Будешь ты у нас Марией, – задумчиво проговорила девушка. – А какую бы тебе фамилию придумать?

- Как у тебя, - умоляюще сказала девчонка.

- Что-то в этом есть, - задумалась Ника. - Правда, я тут тоже не под своей фамилией. Вот уж не гадала, что сестренкой обзаведусь.

Девчонка вдруг робко погладила ее руку.

- Держи нос выше, со мной не пропадешь, - усмехнулась Ника.

- А что ты делаешь?

- Да так, торгую по мелочи. А что ты умеешь?

Девочка пожала плечами.

- Как же ты живешь? Побираешься, воруешь?

Девчонка только глазами стрельнула.

- Ладно, не важно. Язык за зубами держать умеешь? Секреты хранить?

- Вот чтоб мне сдохнуть, если расскажу кому, - поклялась девочка. - Чтоб меня трупоеды сожрали, чтоб меня в туннеле живьем засыпало.

Это была серьезная клятва. Ника наклонилась к уху новообретенной сестры:

- Буду тебе поручения давать: кому записку отнести, кому чего на словах передать. А еще мне надо, чтоб ты уши открытыми держала и слушала, о чем тут болтают. Особенно про человека одного.

- Про кого? - шепотом спросила девчонка.

- Прозвище его здесь - Датчанин. Все, что про него узнаешь, говори мне - так и сочтемся.

– Ага, – девчушка с готовностью кивнула. – Не сумлевайся.

– И за той, вчерашней, с чудным именем, тоже приглядывай, – мрачно сказала Ника. – Говорят, ходит он к ней. Идем, покажу, где ее палатка.

На станции царило обычное оживление. Девки заманивали клиентов. В одном месте народ скопился, раздавался чей-то зычный голос.

– Идем, послушаем, – дернула Ника за локоть маленькую напарницу. Та озиралась – видно, выискивала тетку в толпе.

Из-за плотной толпы им не было видно говорившего. Но слышно было хорошо.

– ...И были люди изгнаны из рая и обречены на страдания тяжкие, невыносимые. Жгло их летом палящее солнце, донимали кусачие насекомые, уязвляя беспощадно. Зимой же терзал их голод, и лютый хлад пробирал до костей. Но и тут не смирились они – понастроили себе в своей гордыне жилищ теплых, изобрели приборы, чтоб смотреть бесовские картины. И разгневался бог, и уничтожил он мир в пламени последней войны. Лишь горстка выживших уцелела. Но не было им отныне пути на поверхность, ибо пламя пробудило драконов и иных тварей, а воздух был отныне отравлен. И пришлось им в благословенных подземельях оплакивать свои грехи и размышлять о несовершенстве своем. Но и здесь ухитряются они тешить беса. Покайтесь, окаянные, ведь третьего шанса не будет!

Стриженные братки смущенно пересмеивались, раздалось постукивание – это сыпались патроны в стоящее возле проповедника выцветшее красное пластиковое детское ведерко. Люди расступились, и напарницы увидели высокого тощего седого мужика с пронзительными глазами, задрапированного в бурую медицинскую простыню. Он гневно воздевал руки вверх, к закопченному своду. Нике его поза напомнила картинку из старой книги, по которой ее учили читать. Книга была про богов и богинь.

– Другого бы делиться заставили, отобрали бы половину, – пояснила девушка Мусе. – Но этого Лёха любит. Ну, конечно, сколько-то возьмет с него. Я его уже третий раз тут вижу.

– П-почему любит? – пробормотала девчонка, явно до сих пор находившаяся под впечатлением от Лёхиного заступничества. Кажется, Фейсконтролю удалось сильно напугать не только тетку, но и маленькую оборванку.

– Потому что считает его отмеченным. Говорит, проповедника этого он еще по прежней жизни знал. Беднягу тогда на счетчик поставили. И он уж совсем было с жизнью прощался, а тут раз – Катастрофа. И все концы оборваны. Те, кто с него долг взыскать хотел, без вести пропали – наверняка померли. А он уцелел. С тех пор и уверовал. Проповедников-то по всему метро полно – поди разбери, кто и впрямь блаженный, а кто так, умом повредился. А тут самой судьбой человеку знак был даден.

Рассказывая, она озиралась – не мелькнет ли в толпе знакомое лицо. Ей казалось, что она кожей почувствует, когда он появится здесь, на станции. Но сейчас шестое чувство подсказывало, что его нет. Да и будь он здесь – вряд ли пошел бы слушать проповедника. Скорее всего, отсыпался бы.

В палатке у Кармен.

Проповедник тем временем говорил что-то о мертвых, которым скоро будут завидовать живые.

– Ладно. Пойдем, – дернула девчонку за руку Ника.

– Они там были. В туннеле, – пробормотала вдруг Муся.

– Кто? – удивилась Ника.

– Мертвые, – прошептала девчонка. – Меня кто-то звал снизу... Тихо так... Если б не ты...

Ника искоса поглядела на нее.

– Никогда не шути такими вещами. Раз не забрали – значит, не судьба пока. Да и на что ты им сдалась? Их и так в метро уже больше, чем живых.

Глава вторая

Датчанин. Прошлое

Сергей Истомин по прозвищу Датчанин приподнялся и сел, потирая лоб. Огляделся – рядом дремала темноволосая девка. Кармен. Он пихнул ее в бок:

– Браги принеси.

– А тебе не жирно будет? – выверилась она, но после того, как он всыпал ей в ладонь горсть пулек, сразу успокоилась.

– Сдачи не нужно, – буркнул он.

Она тут же нацепила пестрое кимоно и выскользнула наружу. Он знал, что щедрость всегда действует на нее умиротворяюще.

Его же все время словно червячок точил изнутри. Особенно после того случая: три года назад это было, еще до встречи с Машей, – а помнил он все, будто накануне случилось.

Он тогда обретался здесь же, на Китае. Ксюхина звезда к тому времени уже закатилась, но помочь Сергею она успела. Именно благодаря этой женщине первые годы доходягу Истомина боялись трогать – а потом он уже заработал себе имя и репутацию. Кто бы мог подумать, что из него, тощего студента, получится толковый сталкер: он разбирался в повадках мутантов, обладал какой-то отчаянной храбростью, спасавшей его в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях, когда ломались другие. Сам Датчанин особой заслуги в этом не видел. В сущности, мутанты – те же животные, а он еще до Катастрофы интересовался повадками лесных обитателей и чувствовал себя в лесу как дома. А храбрость... когда он понимал, что приперт к стенке и терять ему особо нечего, на него словно накатывало что-то. Наверное, это и называется – кураж.

В общем, к тому времени он был в авторитете у китайгородских пацанов. И однажды к нему подошел Кишка – обсудить одно дело. Когда Датчанин понял, что речь идет о совместном походе на поверхность, то сначала засомневался: одно дело – ходить в одиночку или с опытными коллегами, и совсем другое –

брать с собой не проверенного в деле пацана. Хотя, какой пацан – Датчанин подозревал, что Кишке уже перевалило за тридцать, но выглядел тот худым и бледным, как многие в подземке. Острое личико бандита напоминало крысиную морду, в разговоре он забавно шепелявил. Кишка все же сумел убедить Датчанина, хотя сталкер потом долго удивлялся – зачем ввязался в эту, по сути, форменную авантюру? Просто захотелось, наверное, разведать новые места, еще не опустошенные коллегами. А из опытных сталкеров туда никто не подписался бы идти.

Кишка сказал тогда, что какой-то фраер ему толковал, будто есть магазин возле Кремля, куда никто не наведывается, потому что кто же в здравом уме пойдет к Кремлю? Но если, мол, зайти с другой стороны, откуда звезды кремлевские не видны, то можно в этом магазине знатно пожить. Туда, небось, со времен Катастрофы никто и не ходил, и все там в целости осталось, потому что эта хрень в Кремле тогда же и завелась, когда все накрылось. Это мутанты, мол, появились не сразу, а она, зараза эта, с самого начала там сидела – с тех самых пор, как кто-то додумался эту биологическую разработку на Кремль скинуть. Пожалел, проклятый агрессор, видите ли, памятник архитектуры, чтоб ему к горгону в желудок живьем попасть, чтоб его вичуха птенцам на закуску утащила. Но ходили же сталкеры даже в Великую Библиотеку, откуда до Кремля вообще рукой подать, значит, попробовать можно было.

Датчанин вспомнил, что и правда, в том огромном, овеванном жутковатой славой еще в прежние времена, сером доме, что раскинулся на целый квартал у Большого Каменного моста, был продовольственный. В этом доме много чего было – Театр эстрады, например, даже кинотеатр. Да и по квартирам имело смысл пройтись – люди там явно жили не бедные. Конечно, соваться туда было авантурой чистой воды, очень уж близко дом находился к Кремлю. С другой стороны, за годы, прошедшие с момента Катастрофы, все магазины в непосредственной близости от метро уже были опустошены, приходилось в поисках еды забираться все дальше и дальше. И сталкер решил в очередной раз испытать судьбу. Тогда, после нескольких удачных выходов на поверхность, о нем уже говорили как о везунчике. Хотелось еще раз попытать свое счастье.

План был такой: выйти с Третьяковки, а потом пробираться переулками параллельно набережной обводного канала, потому что по набережной идти было никак нельзя – оттуда отчетливо просматривались кремлевские звезды. По крайней мере, в прежние времена. Может быть, сквер, который находился на другом берегу обводного, и разросся так, что оттуда уже звезды не разглядеть,

но лучше было не рисковать.

Датчанин помнил этот сквер: березки, елочки, еще какие-то липы, вроде, а может, тополя. Между этим бульваром и Кремлем – только ряд домов на набережной, стройки какие-то заброшенные и река. А с другой стороны, ближайшей к ним, вдоль сквера протекал обводной канал. На него глядел памятник Репину. А в самом дальнем конце сквера был еще один памятник, подаренный художником, который к тому времени жил уже вроде в Париже. Датчанин помнил этот памятник. Назывался он интересно: «Дети – жертвы пороков взрослых». И все эти пороки, отлитые в бронзе, вроде как выстроились полукругом: истощенная наркомания со шприцем, садизм с носорожьим рогом, прочие монстры. Но Сергей отчетливо помнил – крайней справа была война. Снизу она была одета в средневековые латы, а голова – в противогазе. За спиной – два крыла, больше напоминавшие лезвия кос. А в руках она держала вполне узнаваемую бомбу. Истомин подумал, что это очень кстати на тот случай, если вдруг все-таки на опустевшую землю прилетят инопланетяне. У них хоть будет подсказка, почему все накрылось медным тазом. Если, конечно, сами раньше не сообразят. «Так значит, война – это порок? Наверное, можно считать и так».

Датчанин наметил маршрут по карте прежних времен, заботливо запаянной в полиэтилен. Названия мелких переулков там не всегда указывались, но видно было, что пройти параллельно набережной вполне реально: для начала Ордынку пересечь, а там огородами, огородами... Кишка, услышав об этом, развеселился и даже замурлыкал слышанную в детстве песенку про аморальное поведение какой-то Нинки с Ордынки. Истомин нахмурился: ему не нравилось такое легкомысленное отношение. Не то чтобы он был суеверным, но все-таки. И он предупредил Кишку, что если наверху тот не будет слушаться его беспрекословно, то он, Датчанин, ни за что не отвечает. Кишка сказал: «Обижаешь, командир». Но Сергей не подписался бы на все это, если бы не знал, что бандит, несмотря на то, что казался балаболом, когда надо, умел быть позвериному осторожным и собранным.

Третьим пригласили Саню Резаного. Прозвище свое тот получил за несколько ножевых шрамов. О том, как он их заработал, Саня вспоминать не любил, и слухи по этому поводу ходили самые разные – поговаривали даже, что это очередная маруха из ревности пыталась его зарезать. Кишка сказал, что Резаный – меткий стрелок, за сто шагов попадает вичухе в глаз, и такой человек им просто необходим. Саня, вникнув в суть, заикнулся было, что от Полянки до этого магазина, судя по всему, гораздо ближе, чем от Третьяковки, но Кишка

решительно заявил, что на Полянку он ни ногой. Там многим чертовщина, мол, какая-то мерещится: кто говорил, что это газ там выходит, а кто – что никакой это не газ, а что станция эта волшебная и можно там судьбу свою узнать. Кишка от судьбы ничего хорошего не ждал, потому узнавать ее совсем не стремился. И Датчанин его поддержал, в очередной раз дивясь логике братков, которые могли бесстрашно идти на нож, но бледнели, стоило только заговорить о призраках и тому подобных вещах.

Как оказалось позже, насчет своей судьбы Кишка оказался прав.

Потом Саня высказал сомнение насчет того, что идти придется мимо древней электростанции. Кто-то ему поведал, что электростанция на Берсеневке то и дело ни с того ни с сего вдруг начинает извергать клубы дыма, словно бы сама по себе, и ходить ночью мимо такого проклятого места опасно. Но Кишка отмел и это возражение. Он заявил, что электростанция и правда иногда вдруг начинает работать сама по себе, но не эта, а чуть дальше, на Раушской набережной. А эта, мол, не работает, и странно было бы, если б там творилась чертовщина, ведь у нее под боком церквушка, а напротив, через реку, вообще главный храм, пусть даже на куполе его свили гнездо вичухи. Он считал, что в таком месте чертовщины быть не могло по определению. Саня скептически хмыкнул, но тут же заявил, что по мосту, по слухам, разгуливал призрак брошенной там когда-то кем-то и погибшей невесты. Кишка уверил, что очень хотел бы посмотреть на эту невесту – после встречи с ним у нее пропала бы охота искать себе женихов и смущать добрых людей. Крыть Сане больше было нечем, и он замолчал. Но потом высказал все же любопытную мысль. «Интересно, – сказал он. – Если вдруг я пойду на свет кремлевских звезд, а потом зайду за дом, откуда их будет уже не видно, меня все равно будет в Кремль тянуть? Или когда звезда из виду пропадет, то и действие ее прекратится?» Кишка сказал, что Сане никто не мешает проверить свою догадку, только лучше на обратном пути. Пусть сперва поможет им попасть в магазин, а потом уже что хочет, то и делает. Саня согласился. И позвал с собой еще Скелетона.

Кишка сначала был против, но Саня клялся, что тот – реальный пацан, и если его не возьмут, то и сам он, Саня, еще крепко подумает. Решили поверить Резаному на слово. Выглядел Скелетон странно. Казалось, что его долго морили голодом: был он тощим, осунувшимся, унылым и немногословным. Совершенно непонятно было, почему Саня так настаивал на его участии в походе.

Судя по карте, выйдя из метро Третьяковская, они попадали на Большую Ордынку, а потом им надо было свернуть в Ордынский тупик. Саню название смутило. Но Кишка объяснил, что тупик этот на самом деле ни хрена не тупик, а переход в переулок, тот самый, где Третьяковка. Саня понимающе закивал. Одно время среди крутых на станции модно было заказывать себе картины в Третьяковке, но картины те вскоре портились, осыпались, трескались, и мода постепенно прошла. Еще поговаривали, что в Третьяковке до сих пор попадаются человеческие останки в большом количестве, словно во время Катастрофы туда народу набилось немерено. Потому не все сталкеры любили туда ходить – говорили, что мерещится там всякая ерунда, особенно в полнолуние.

И вот летней ночью маленький отряд во главе с Истоминным поднялся на поверхность, оказавшись на небольшой площади возле метро. Датчанин и Саня прихватили автоматы, а Скелетон и Кишка решили обойтись ножами. Постояли, прислушиваясь и оглядываясь. Ночная Москва жила своей жизнью – что-то ползало, шуршало и попискивало в зарослях кустарника, успевших пробиться сквозь потрескавшийся асфальт на руинах палаток, из которых давным-давно было вынесено все, что могло пригодиться. Бледный месяц освещал застывшие каменные громады домов. Легкий ветерок шуршал в листве, и Датчанину вдруг захотелось скинуть опостылевшую химзу, снять намордник и вдохнуть свежий ночной воздух, давно уже не отравленный парами бензина и выхлопными газами. Сергей с трудом отогнал это искушение. Двинулся вперед, за ним – Кишка и Саня. А Скелетон так и остался стоять, будто в ступор впал, запрокинув голову, глядя в темное небо. Саня пихнул его в бок, что-то буркнул, и тот, наконец, сделал шаг, другой. У Датчанина возникло сильное желание вернуть этого тощего парня, пока не поздно, обратно на станцию. Но то была бы очень плохая примета.

Путники, поминутно оглядываясь, свернули в Ордынский тупик – узкий переулочек, зажатый между домами, – миновали небольшую церковь и вскоре вышли к скверу, где на булыжном постаменте стояли стеклянные сооружения, изображающие, видимо, картины в рамках. Кишка вспомнил, что раньше тут был фонтан.

Датчанин вдруг заметил, что вокруг опустевшей чаши фонтана скользят какие-то тени. Сталкер поднял руку, подавая знак остановиться идущим сзади. Напряженно вгляделся.

«Неужели клыканы?» – подумал он. Эти потомки собак, куда более грозные, чем их прародители, имели обыкновение затевать свои жуткие хороводы в любом мало-мальски пригодном для этого месте. Лишенные шерсти, с мощными мускулами и не менее мощными когтями, такие твари могли представлять собой серьезную опасность.

Но, присмотревшись, сталкер понял, что шмыгающие туда-сюда животные куда мельче клыканов – возможно, это были крупные кошки, а может, и еще какие представители новой фауны. Агрессии они не проявляли, хотя то и дело замирали, уставившись круглыми желтыми глазами на незнакомцев. Звери явно охотились на более мелкую добычу, а людей воспринимали просто как досадную помеху. Убедившись в этом, Истомин дал своей группе сигнал идти дальше.

Они осторожно миновали Лаврушинский переулок, стараясь не глядеть в сторону набережной – Кишка предупредил, что отсюда может быть видна одна из кремлевских башен. Он еще сообщил, что иногда тут видят призрак экскурсовода, приглашающего в Третьяковку. Но в этот раз обошлось. Правда, пока поглядывали в сторону Третьяковки, на Скелетона вдруг быстро и бесшумно прыгнула какая-то тварь размером с собаку, но Датчанин вовремя ее заметил и принял зверюгу на нож. Скелетон Сергея беспокоил – парень казался самым неприспособленным к походу. Истомин велел ему идти сразу за Кишкой, Саню поставил замыкающим, а сам возглавил отряд.

Кишка, впрочем, постоянно отвлекался и глазел по сторонам, словно группа вышла не за продуктами, а просто прогуляться. Датчанин начинал уже жалеть, что вообще связался с ними. Один Саня, кажется, понимал всю серьезность мероприятия и даже пару раз одернул Кишку.

Тем временем по Толмачевскому дошли до пересечения со Старомонетным, а дальше был не переулок даже, а проход между домами к развилке двух улиц – одна, как помнил Датчанин, шла к станции Полянка, другая – к Октябрьской. Осмотревшись, осторожно пересекли сперва одну улицу, потом другую, пошире – Большую Якиманку, избегая поворачивать головы направо, в сторону Кремля. Истомин нервничал: еще когда они шли по переулку, их сопровождало тревожное верещание, словно какие-то звери – а может, птицы, кто их разберет, – предупреждали всю округу, что идут чужаки. Судя по звукам, твари были мелкие, но они могли выполнять роль наводчиков, давая понять настоящим хищникам, что в их владения забрела потенциальная добыча.

Кишка зацепился взглядом за трехэтажную серую галерею, где на одной из вывесок было написано «Армани». У него сразу возникли догадки насчет того, где одевается теперь китайгородское руководство. Магазин, судя по остаткам витрины, когда-то был предназначен для новобрачных. И Саня Резаный предположил, что и гуляющая по мосту невеста могла позаимствовать платьишко именно здесь. Так, подбадривая друг друга шутками, свернули в переулок, оказавшийся вроде бы Малой Якиманкой – а может, и продолжением той же Большой – табличка с названием улицы прочтению уже практически не поддавалась. По сторонам солидно торчали пузатые кубики особнячков. Путники старались держаться стен домов, чтобы в любой момент можно было занять оборонительную позицию. Раздававшиеся вокруг шорохи и мелькавшие то и дело поблизости тени заставляли Датчанина нервничать, но пока он не ощущал реальной угрозы. Сталкер шагнул вбок – ему показалось, что в проеме между домами что-то притаилось. И вдруг сзади раздался дикий вопль:

– А-а-а а!!!

Тут же прогремел выстрел, и что-то большое и темное, шумя крыльями, унеслось вдаль. Убедившись, что непосредственной опасности уже нет, Сергей оглянулся на своих спутников. Скелетон сидел на корточках у стены, обхватив голову руками. Саня целился куда-то вдаль, Кишка прыгал вокруг Скелетона и уговаривал:

– Ну полно, полно. Все уже. Нет ее, заразы.

– Эт-то что было-то? – заикаясь, пробормотал Скелетон.

– А хрен его знает. Пернатое что-то. Мож, вичуха. Мож, сова какая.

– З-здоровая, падла, – еле проговорил Скелетон.

– Ладно, все уже. Улетела она. Сама тебя испугалась. Мож, у ней тут гнездо было. Или нора. А тут – ты. Не бойсь, свалила она. Пошли уже.

– Н-не хочу.

Датчанин мысленно клял себя, что повелся на уговоры Кишки и связался с этими идиотами. Теперь вот вообще непонятно было, что делать. Он уже хотел предложить Сане забрать своего приятеля и тащить обратно на станцию. Но Резаный, как оказалось, умел обращаться с паникерами.

– Слышь, Скелетончик, – ласково сказал он. – Ты ноги-то переставляй давай, не тушуйся. А то оставим тебя тут и дальше пойдем. Трое одного не ждут.

Тощий аж подпрыгнул – и суетливо двинулся вперед.

Судя по карте, дальше им надо было двигаться прямо, до скрытой прямо в последнем здании по левую руку лестницы, ведущей на мост. Но на подходе к набережной их смутил туман, наползавший оттуда, где находился невидимый им пока канал. Уж больно плотным был этот туман. И что-то там двигалось, а что именно – не разглядеть было, но соваться туда охотников в команде не нашлось. Подумав, Кишка изрек, что даже героям случается идти в обход, если чуйка им подсказывает, что впереди какая-то лажа. А он, мол, прям пятой точкой чувствует: не тот сейчас момент, чтоб переть по прямой очертя голову. И они свернули налево чуть раньше, не дойдя до канала, пробрались дворами, попав в переулок, стиснутый с двух сторон огромными домами красного кирпича. Словно ущелье какое-то. Датчанин смутно понимал, что уходят они все дальше, что потом придется возвращаться. Но туман навевал непонятную жуть – кто знает, что могло там скрываться? Доносившиеся оттуда время от времени звуки ничего хорошего не предвещали.

Сверху слышалось будто бы хриплое карканье. Сталкеры застыли. Кто-то возился в окне верхнего этажа – судя по всему, немаленькая зверюшка. Разглядела ли она их? Некоторое время они не решались двигаться. Сверху вдруг посыпалась какая-то дрянь, кирпичные обломки, еще мусор. Словно зверюшка – или пернатое – чистило свое логово. А потом прямо на голову Кишке плюхнулось что-то сероватое, вязкое. От неожиданности он дернулся, еле сдержав панический вопль. Датчанин, после минутного замешательства сообразив, в чем дело, огляделся по сторонам – в поисках какой-нибудь ветоши, чтобы очистить напарника, благо мусора вокруг валялось предостаточно. Но сперва стоило отойти подальше – на случай, если копошащееся наверху существо все же ими заинтересуется. К тому же сверху донесся противный писк в несколько глоток – или клювов. Если у него, у существа, тут еще и гнездо, и дети голодные, то точно лучше было не связываться.

Пройдя вперед и укрывшись под козырьком подъезда, кое-как очистили незадачливого Кишку, который бормотал сквозь зубы всякие слова, поминая родословную своего обидчика до седьмого колена. При этом Скелетон вдруг начал вздрагивать, икать и издавать какие-то хрюкающие звуки – и Датчанин с изумлением понял, что этот унылый тип смеется. Против ожидания, Кишка возмущаться не стал, решив, видимо, что не время и не место. Но Истомин подумал, что вернувшись на станцию, тот наверняка Скелетону этот смех припомнит.

Двинулись дальше, обходя завалы камней и прочей дряни вроде сломанной полусгнившей мебели и каких-то железяк. Похоже было на то, что здесь побывала шайка мародеров, и все, что не смогли унести с собой, они неведомо зачем выволокли из квартир на улицу. Хотя, может, тут против кого-то пытались сделать баррикаду.

Пока они брели переулком, Датчанин все высматривал, нельзя ли на набережную свернуть двором. Но во дворах было как-то чересчур оживленно – там под стенами красного кирпича что-то копошилось, ползало, ворчалось. И он так и не решился туда сунуться. А потом впереди в свете луны замаячила колокольня. И Сергей понял, что они почти дошли уже до парка «Музеон». Вот здесь точно можно было свернуть на набережную, но сталкеру до боли захотелось увидеть, во что теперь превратился милый сердцу парк, где когда-то он бродил по полузаросшим тропинкам с девушкой, в укромных кустах качался с ней на обветшавших качелях, отпуская шутки по поводу скульптуры «Дед Мазай и зайцы». Качели там были замечательные – целые лавочки, подвешенные на цепи. Запущенный парк сохранял какое-то полудикое очарование. И Датчанин пошел дальше, вперед, надеясь, что спутники не сообразят, что пока они удаляются от цели.

Замаячила сбоку от колокольни небольшая белая пятиглавая церковь с пестрыми куполами, на удивление хорошо сохранившаяся. Переулок слева уходил вверх, к той самой Большой Якиманке, но Истомин не стал сворачивать ни туда, ни направо, к набережной, а повел свою группу вперед, к парку. Вскоре сталкер увидел железную изгородь, в которой кое-где виднелись такие проломы, словно тут порезвилось стадо слонов. Сталкер с сомнением посмотрел в чащу разросшихся деревьев, неуверенно шагнул в пролом – дальше вела тропинка, протоптанная, похоже, не людьми. Сбоку Датчанин заметил одиночный след огромной лапы, отпечатавшийся в почве. Вдали среди кустов маячили белые силуэты. В ветвях ближайшего дерева вдруг что-то

зашевелилось.

- Чегой-то? - спросил Кишка, стекла противогаза которого так и не удалось оттереть как следует. Видел он теперь плохо, и это его явно раздражало. Смысл его вопроса был ясен: ему хотелось понять, зачем командир затащил их в эти непролазные дебри, где их, путников, того гляди, сожрут или растопчут.

- Лучше тут пройдем. От Кремля подальше, - сам толком не понимая, что несет, отозвался Датчанин. Но он уже стал раскаиваться, что завел сюда отряд. Парк непоправимо изменился. Эти джунгли уже почти ничем не напоминали место, где когда-то он был так счастлив. Надо было уходить - пока не поздно. Однако если бы они решили возвращаться той же дорогой, то остальные быстро поняли бы, что приличный крюк, который они сделали, ничем не был оправдан. И сталкеру не поздоровилось бы. Потому Датчанин пояснил:

- Мы сейчас на набережную выйдем - и по ней двинем обратно.

Кишка вскинул автомат, углядев в зарослях белую фигуру. Истомин буркнул:

- Отставить кипеш. Это статуя.

Кишка присмотрелся - и восторженно заржал, оценив девичью фигурку с точеными формами. Чуть дальше опиралась на клюку полусогнутая старуха - словно олицетворяя следующий жизненный этап. Еще какой-то старик подслеповато вглядывался вдаль. Возле него стояло дитя на цыпочках, вытянув ручку, указывая куда-то пальчиком. А над всем этим возвышался на постаменте мужик - высокий, с бородкой, в длинной шинели, каменными глазами всматриваясь куда-то за реку. Кажется, когда-то его притащили сюда с Лубянки - и теперь он озирает окрестности, не достаивая вниманием людишек у подножия. Напротив смутно просматривался двухэтажный прямоугольник ЦДХ. А вокруг клубился туман.

- Пошли отсюда, - сказал Кишка, которому, видно, тоже стало неуютно.

Саня же, наоборот, подобрал какой-то камешек и кинул вперед, метя явно в одну из статуй. Промахнулся - камень улетел в кусты, и оттуда вдруг выскочило крупное животное и кинулось наутек. Скелетон снова начал икать. Датчанину же вдруг показалось, что они ведут себя как дети на прогулке. Но здесь нельзя

было вести себя так. Только не здесь. Он поднял руку, призывая к тишине, и огляделся.

Показалось ему или нет, но бабка с клюкой как будто изменила положение – она словно поворачивалась вслед за ними. И дитя указывало пальчиком, казалось, прямо на незваных гостей – интересно, кому указывало? Померещилось на секунду даже, что тот, высокий, с бородкой, шевельнулся на своем постаменте. Сталкер понимал, что всему виной ночной ветерок, а может, запах каких-то цветов, настолько сильный, что проникал, казалось, даже сквозь фильтры противогаза. Или даже не цветов – конфет каких-то? Ведь когда-то совсем рядом была шоколадная фабрика. «Она закрылась давно, кажется, еще в девяностые, – подумал Сергей. – Неужели тот запах остался в памяти? Или это источают аромат буйные растения нового мира?» Датчанину пришлось сделать усилие, чтобы отогнать морок. Он боялся отвести глаза от статуи. Казалось, каменные исполины разных эпох, разгневанные, потревоженные вторжением, готовы ополчиться на незваных пришельцев. И, стоит оторвать от них на секунду взгляд, делают шаг ближе, как в детской игре.

Нервно оглядываясь, Истомин повел группу в сторону реки – туда, где виднелся самый высокий монумент – как ориентир: парусный корабль, смехотворно маленький для стоявшей на его палубе фигуры. Император прежних времен все еще царил над нелюбимым им городом, где и моря-то не было. Зато река имелась – и это было слышно. Оттуда доносился плеск, звуки, похожие на кваканье огромной лягушки. Один раз что-то заплескалось так, что Датчанину стало совершенно очевидно – там кого-то поймали и едят, а стонов убиваемого не слышно лишь потому, что рыбы вообще молчаливы по природе своей. Путники сквозь очередную брешь в ограде вышли почти к самому берегу. Парапет набережной местами зиял проломами, словно здесь выползали на берег погреться нынешние обитатели реки. Сталкер повел группу, стараясь держаться от проломов подальше. Большая река была там, дальше, за стрелкой, на которой и стоял памятник Петру, обозначая место, где от основного течения отделялся более узкий канал – обводной. Датчанин надеялся, что монстры из большой реки сюда не заплывают. На другом берегу канала смутно вырисовывались в тумане здания красного кирпича – корпуса бывшей шоколадной фабрики «Красный Октябрь», за несколько лет до Катастрофы ставшие конгломератом развлекательных клубов. Намолненное, в общем, место.

– Чегой-то? – снова спросил Кишка.

– Это Остров, – пояснил почтительно более сведущий Саня. – Дурное место.

А Скелетон застыл как вкопанный, глядя на водную гладь, курившуюся туманом. «Ведь он совсем молодой, наверное, – подумал Датчанин, – и жизни наверху уже не помнит. Отсюда и это детское изумление». С этими грубоватыми и ограниченными китайгородскими братками сталкера мирила их непосредственность. Они совершенно искренне удивлялись тому, что видели вокруг, жили одним днем, одной минутой. «Когда вернутся, впечатлений будет масса – ну, и приврут, само собой, как водится у рыбаков и сталкеров. Если вернутся...»

Датчанин краем уха слышал, какие байки об этом месте рассказывают в метро. Сюда, мол, приходили умирать сталкеры Красной линии, когда становились немощными и больными. Но, вопреки слухам, здесь было тихо – не слышалось дьявольской музыки, не видно было разноцветных огней. Да вот только не покидало Сергея ощущение, будто огромные дома затаились и ждут, будто отовсюду следят за путниками чьи-то недобрые глаза, будто кто-то скрывается в тумане.

Скелетон споткнулся о какую-то кучу, и куча вдруг скакнула в сторону воды – у нее обнаружили короткие кривые лапки и круглые выпученные глаза. Больше всего это было похоже на гигантскую жабу. Сделав еще скачок, создание с плеском бухнулось в канал. Датчанин чертыхнулся: они привлекали к себе слишком много внимания.

Наконец они подошли к мосту. Лестница на мост была упрятана в помещение недостроенного торгового центра, который так и не успел распахнуть двери перед посетителями. Сталкер снова занервничал – уж больно укромное было место. Но первый пролет они благополучно миновали. А потом завизжал Кишка: с потолка что-то темное рухнуло перед бандитом и тут же поднялось на длинных, суставчатых лапах, сверкая злыми желтыми глазами. Датчанину показалось, что глаз было не меньше десятка. Он вскинул автомат и выпустил очередь в чудовище, сзади поддержал кто-то – видимо, Саня. Существо зашаталось, все еще пытаясь сгрести Кишку, который продолжал истошно верещать. А потом рухнуло, конвульсивно засучив ногами, и наконец издохло. По крайней мере, лапы монстра сложились, как, бывало, у мух, залетавших когда-то между оконными рамами и там помиравших.

– Заткнись уже, – устало сказал Датчанин Кишке. – Сейчас со всей округи мутанты набегут. На мост выйдем – направо головы не поворачивать. Если кто в Кремль побежит, догонять не стану.

Они пошли по мосту, стараясь не глядеть в опасную сторону. Когда Истомин все-таки случайно повернул голову, никакого Кремля уже не было видно – его заслоняли здания. По правую руку, на противоположном берегу канала, возвышалась похожая на дворец ГЭС – кажется, какой-то знаменитый архитектор ее строил, – длинное изящное желтоватое здание в три этажа с высокими узкими окнами, закругленными сверху. Датчанин помнил еще башенку, торчащую справа, – когда-то он все гадал о ее назначении. Наверное, то была пожарная каланча – под конусообразной крышей виднелись большие круглые отверстия. Сейчас из одного такого отверстия кто-то внимательно наблюдал за идущими. Кто – разобрать было невозможно: то ли очень большая кошка, то ли ночная птица. Блестели лишь яркие желтые глаза. В какой-то момент, когда Датчанин окончательно решил было, что там, наверху, притаилась кошка, неведомое создание вдруг, распахнув мощные крылья, с шумом сорвалось с высоты. «Летучая кошка, – тупо подумал сталкер, – полетела ловить летучих мышек, наверное». А потом, опомнившись, он с силой толкнул ближайшего спутника вниз, за какую-то плиту. Остальные попадали сами, но крылатое создание, кем бы оно ни было, связываться с ними не собиралось и вскоре скрылось в тумане.

Когда Датчанин вновь поднял глаза, вокруг было тихо, если не считать странных звуков с канала. А за ГЭС уступами и каскадами возвышалась серая громада того самого Дома на набережной – и надежно загораживала Кремль.

– Интересно, – вслух подумал Саня, – если я с моста погляжу на кремлевские звезды, то побегу по мосту вперед или прыгну прямо в воду?

В нем явно пропадал естествоиспытатель.

В этот момент Датчанин краем глаза засек что-то странное: словно бы луч света блеснул в окне заброшенной электростанции. Блеснул и пропал. Сталкер вгляделся – вроде ничего. Темно и тихо, лишь ветер шуршал каким-то хламом. «Почудилось», – решил Сергей, однако ему стало очень не по себе.

– А ты проверь, придурок, – посоветовал Кишка, которого, видно, уже утомила Санина любознательность. Возможно, он уже жалел, что позвал его. Но у Резаного тут же пропала охота проверять – впереди на мосту он увидел что-то белое. Некоторое время они, остолбенев, смотрели вперед. Потом Кишка неуверенно сказал, что это тряпка, зацепившаяся за перила, а шевелится она оттого, что ветер. Но Датчанину на миг почудилось, что хрупкая это девичья фигурка в изодранном, когда-то пышном платье оперлась о перила моста, глядя вниз, в темную воду, и раздумывая – не прыгнуть ли туда. А потом обернулась к ним. А вот она присела у перил, словно бы в изнеможении, и манит рукой подойти поближе. Наверное, не одному Сергею это почудилось – остальные подались назад. Кишка мигом забыл о своем желании познакомиться поближе с невестой – если то была она. Проверять никто не пошел, наоборот, увидев слева спуск на противоположную набережную обводного канала, все дружно ринулись туда и побрели вдоль огораживающего ГЭС забора из металлических прутьев. При этом принялись выяснять, кто первый увидел белое на мосту. Кишка уверял, что первый, кто заметил невесту, долго не проживет – встреча с ней, мол, ничего хорошего не сулит. Датчанин тихо злился на этот детский сад, но делать было уже нечего. «Ладно, – думал он, – приведу их обратно на станцию, но чтоб еще раз когда-нибудь я с Кишкой и его пацанами связался... Ни за что!»

Дойдя до распахнутых ржавых ворот, они некоторое время помедлили. Со стороны канала доносились неприятные звуки – какое-то шуршание, словно огромная змея выбиралась из воды. В довершение всего, прямо напротив ворот каменный парапет набережной был разломан. Будто кто-то имел в этом месте обыкновение перемещаться из реки в здание и обратно.

Путники в задумчивости остановились: чуть дальше рухнувшее дерево преграждало им путь, а вокруг ствола был навален всякий хлам – тоже как будто специально навален.

– Не нравится мне все это, – сказал Датчанин. – Давайте зайдём внутрь и по помещению пройдем.

– А вдруг там ловушка? Логово мутантов? – спросил Саня.

– Подстава это, – буркнул Кишка, непонятно что имея в виду.

– Я через эту хрень не полезу, – высказался Скелетон, кивая на поваленное дерево.

– Пошли, – решился Датчанин и двинулся к открытым воротам.

Группа осторожно зашла в огромное здание, похожее на дворец, – с окнами в виде арок, разделенными деревянными перегородками на мелкие квадраты. Внутри здание выглядело ободраным: под ногами вместо пола были земля и битый кирпич, двери между залами отсутствовали, что, впрочем, отряду было только на руку. Вскоре путники попали в просторное помещение, из которого налево и прямо вели еще какие-то двери. «Когда-то электростанции строили как дворцы, а последнее время то, что гордо называли дворцами, напоминало скорее электростанции», – подумал Датчанин. Посветил фонариком – и вздрогнул. Луч света выхватил из тьмы белую фигуру. Все застыли. Но прошла минута, а фигура не шевелилась.

– Эй! – неуверенно окликнул Истомин. Фигура по-прежнему безмолвствовала, зато откуда-то долетел странный звук, похожий на сдавленный смешок, – словно бы из дальнего угла. Датчанин покосился туда, но обзор был ограничен. Сталкер старался не выпускать из виду белую фигуру, хотя уже начинал понимать, что угрозы от нее не исходит. Перед ним была статуя, такая же, как в парке «Музеон», может, даже, оттуда и взятая. Она стояла, склонив голову набок, словно вопрошала о чем-то незваных гостей.

– Чегой-то? – глухо спросил Кишка, видно, тоже догадавшийся, что фигура каменная. – Музей, что ль?

– Электростанция, вроде, – неуверенно сказал Датчанин.

– А зачем тогда она тут? – Кишка ткнул рукой вперед.

– Не знаю, – пробормотал Датчанин. «А если предположить, что статуя появилась здесь уже после Катастрофы? – размышлял он. – Действительно, не так уж далеко отсюда – парк, где такого добра пруд пруди. Неужели какой-нибудь мутант настолько впечатлился искусством, что решил устроить тут себе персональную выставку?» Датчанин осторожно осветил помещение – здесь и там в произвольном порядке были расставлены бюсты, изображения животных. Истомин отогнал жуткое видение: лохматое чудовище перетаскивает фигуры в

свое убежище. «Кому же под силу было таскать такие тяжести? Хотя, может, оно догадалось прихватить для этой цели тележку из ближайшего супермаркета? – Мелькнула идиотская мысль, что скульптуры перенесли сюда люди буквально накануне Катастрофы, что-то предчувствуя. Но и это предположение не выдерживало никакой критики. – Во-первых, зачем было спасать музейные экспонаты, не подготовившись толком к спасению населения? Впрочем, это как раз можно понять. Но в таком случае, зачем их притащили на электростанцию, если куда ближе было помещение ЦДХ, к примеру. Как ни крути, скорее всего, их принесли уже после Удара, а вот кто и зачем? Хотя, не все ли равно, в конце концов? Кто бы ни пытался устроить тут вернисаж, его уже давно тут нет. Остались только эти фигуры, несколько картин на стенах, пара пластиковых мисок с засохшими давно растениями. А странный звук, похожий на смешок, скорее всего, мне просто почудился». Датчанин на всякий случай посветил в проем прямо перед собой. Там было что-то вроде помоста, с которого виден был подвальный этаж: какие-то трубы, полуосыпавшиеся стены и небольшая горка из кирпичей, увенчанная крестом, сколоченным из двух балок. Сталкеру стало не по себе. Он не знал, да и знать не хотел, что означают все эти инсталляции, но чем-то жутким повеяло на него.

– Уходим, – окликнул он спутников. И вдруг откуда-то сверху раздался голос:

– Ну, зачем же так спешить? У меня так редко бывают гости.

И снова этот смешок – негромкий, ехидный.

Датчанин схватился за автомат.

– Ай-яй-яй, – сказал голос. И вдруг грохнул выстрел. Пуля ударилась в стену над головой сталкера.

– Не надо глупостей, а то в другой раз у меня рука дрогнет, – хихикнул невидимка. – Давайте лучше поговорим.

– Ты кто? – спросил Датчанин.

– Живу я здесь. А вот вы – кто?

– Мы из метро.

– И что, там тоже можно жить? – равнодушно спросил собеседник. – А сюда зачем пришли?

– Еду ищем, – пояснил сталкер.

– Я еду тут не держу, – открестился невидимка. – Дальше идите. Но сперва поговорите со мной, а то мне сегодня скучно. Значит, в метро плохо с едой?

– Кому как, – неопределенно ответил Истомин. – А ты тут чем питаешься? И как не помер до сих пор?

– А кто ж его знает? – поскущел голос. – Ленка, вон, померла. А я вот – никак. Но тут ничего вообще-то, жить можно.

– И не скучно?

– Какое там. Знали бы вы, чуваки, какие люди иногда в гости заходят. Ну, и Ленка, опять же.

– Так она же умерла?

– Но все равно она тут, со мной, – убежденно заявил хозяин помещения. – Поговорить-то с ней можно, хоть она и не отвечает.

У Датчанина холодок пробежал по коже: «Наверное, несчастный затворник свихнулся тут в одиночестве. Но как он тут живет – в двух шагах от Кремля, и, что еще опаснее, от реки? Как его не сожрали тут, как не умер давным-давно от лучевой болезни?»

– А какие у меня хоромы, – продолжал голос. – Прикиньте, это все – мое. У меня тут лофт, мужики, если это вам о чем-нибудь говорит.

Датчанину это ни о чем не говорило. Но он решил, что лучше не ссориться с вооруженным незнакомцем.

– Ну да, красиво обставился, – согласился сталкер. – А... это... – он замялся, не зная, как половчей сформулировать вопрос. – Тебе звезды Кремля на мозги не действуют?

– Вот в Кремле что-то есть. Тут ты прав, чувак. И тот усатый говорил мне: «Не суйся, Серго, в Кремль, целей будешь». Вот я и не суюсь.

– А чем ты тут обедаешь?

– Ишь, хитрые какие, – засмеялся невидимка, – так я вам и рассказал. А вообще-то тут, в Обводном канале, рыбы навалом. Я ее сетью тягать приспособился. Ну, попадаются, конечно, странные экземпляры, с шестью лапками там, с мордой, как у мартышки. Но вот не траванулся пока. А еще за хавчиком можно в магазин ходить. Но я там редко бываю. Меня там сразу глючить начинает. А вы сходите, коли не боитесь. Там еще осталось кой-чего. А потом приходите обратно – в прятки поиграем, – невидимка опять захихикал. – Если понравится – разрешу тут остаться.

– Как Ленка? Нет уж. Лучше вы к нам, – пробормотал Датчанин.

– А с Ленкой надо вам познакомиться, – произнес голос. – Давайте, я вам покажу ее апартаменты. Повернитесь... нет, правее... видите дверь?

Перед ними чернел дверной проем. Истомину стало жутко, остальным, судя по всему, тоже было не по себе.

– Да ладно. Мы в другой раз как-нибудь, – попытался отговориться он.

– Нет, так дело не пойдет, – возмутился голос, и тут же снова грохнул выстрел – пуля ударила в кирпич прямо над головой сталкера. – Невежливо это. Ленка – здесь хозяйка, вы должны к ней заглянуть.

Датчанин, решив не спорить с полоумным, подбадривая себя, шагнул вперед, к темному проему. На пороге осторожно посветил фонариком – и остолбенел.

В старом, заплесневелом кресле с порванной обивкой и торчащим из прорех поролоном сидел скелет в остатках пышного белого кружевного платья. Сергей

машинально подумал, что знает, откуда платье. «Так вот откуда взялась легенда про белую невесту, что караулит путников на мосту, – ухмыльнулся про себя Истомин. – Наверное, кто-то забрел сюда и увидел Ленку – и под впечатлением от увиденного сочинил эту байку. От такого зрелища и впрямь недолго тронуться». Датчанин вдруг заметил то, на что сразу не обратил внимания, – по бокам от кресла в полусидячем положении находились два трупа в лохмотьях защитного цвета. Будто бы стражи, охранявшие свою хозяйку. А вокруг стояли плошки с засохшими цветами, валялись какие-то коврики, огромные раковины, потрепанные и грязные мягкие игрушки – все вперемешку, словно хозяин помещения ограбил парочку квартир или соседнюю помойку.

– Что, хорошо я Ленку устроил? – издевался голос.

– Спасибо, что познакомил с хозяйкой, – через силу произнес Датчанин. – Но мы и правда очень спешим.

– Культурные речи приятно и слушать, – отозвался голос, – заходите еще, мужики. Девчонок с собой приводите. Ленка будет рада.

Превозмогая дрожь в коленях, путники двинулись дальше. Вдруг Истомин остановился и прислушался. Ему показалось, он слышит ритмичные удары, только очень отдаленные. Он старался понять, на что это похоже, – и вдруг сообразил. Звук был такой, как если бы где-то в подвале, в ночном клубе, гремела музыка.

– Что, тоже слышите? – захихикал невидимка. – Это на Острове. Чего-то они там отмечают нынче ночью. Но туда соваться не советую. Съедят.

– А кто там? – спросил Датчанин.

– Без понятия. Это не моя территория, а в чужие дела я не лезу. Правильные принципы – залог долголетия.

Отряд продолжил движение, провожаемый насмешливым хихиканьем.

Пройдя здание из конца в конец, они нашли выставленное окно и спрыгнули по очереди вниз. Прямо перед ними был Дом на набережной. И они крадучись

прошли сквозь пролом в стене, ограждавшей электростанцию, а потом через арку – во внутренний двор огромного дома. Там разрослись деревья, но у подъездов до сих пор стояли лавочки, правда, невероятно загаженные – видимо, у местных мутантов они тоже пользовались популярностью.

– А может, по квартирам поищем? – предложил вдруг струхнувший Саня. Кишка поддержал его – всем что-то расхотелось забираться в продуктовый, находившийся со стороны Кремля. Да и во дворе было как-то неуютно.

Они зашли в первую попавшуюся квартиру. Мягкая мебель, шкафы – спутники Датчанина сразу оживились и принялись шарить по ящикам. Сталкер прошел в следующую комнату – просторную, с большим столом посередине. И вздрогнул – здесь находился человек. И если бы этот человек лежал без признаков жизни, было бы понятно, но он спокойно стоял у окна и повернулся на звук шагов. На нем была военная форма какого-то устарелого образца, а противогаза не было. Сергей с изумлением глядел на незнакомца: на его коротко остриженные волосы с проседью, лицо с правильными чертами. На всякий случай перехватил удобнее автомат. Но не похоже было, чтобы у человека было оружие, и встревоженным он тоже не выглядел.

– Приветствую, – глуховатым голосом сказал незнакомец.

– Не знал, что здесь живут, – отреагировал Датчанин. Человек неопределенно пожал плечами.

– Будьте гостями, коли пришли. Откуда вы? Что вас интересует?

– Из метро. Со станции Китай-город. Еда, – сказал Истомин. Незнакомец недоуменно взглянул на него.

– А разве есть такая станция? Впрочем, неважно.

– Мы ищем еду, – повторил Датчанин.

Человек усмехнулся.

– Так бы и сказали. Пойдемте, провожу.

И зашагал к окну, даже не глядя, идет ли кто за ним. Толкнул раму и вышел. Сергей неуверенно двинулся следом. Он услышал окрик Сани: «Эй, командир, ты куда, в натуре?», – но не обернулся, боясь отстать от своего проводника. Человек пересек внутренний двор, лавируя в зарослях среди огромных деревьев, одно из которых, упав когда-то, проломило крышу подъезда, подошел к неприметной приоткрытой двери, скользнул внутрь. Датчанин, поколебавшись, последовал за ним – и очутился в каком-то помещении, заставленном консервными банками, пачками чая, крупы. Судя по всему, до их группы тут и впрямь никого не было. Ну, если не считать незнакомца. Но Истомину уже стало казаться, что тот вроде как бы едой и не интересуется. И вообще сталкеру стало как-то не по себе. Но раз пришли за едой, надо было пользоваться случаем. Такого богатства он не видел давно. И принялся набивать рюкзак продуктами. Незнакомец наблюдал за ним.

– А вам не жалко? – спросил вдруг Датчанин.

Тот только головой покачал.

– А как же вы тут, так близко? – поинтересовался Датчанин, неопределенно кивнув в ту сторону, где, по его расчетам, находились кремлевские башни.

– А-а, вы об этом. Нет, они мне больше ничего сделать не могут, – ответил человек.

– И не скучно вам одному? Уходить не собираетесь?

– Нет. Мое место здесь, – произнес незнакомец. – А вы не стесняйтесь, приходите. Сюда и другие ходят. Про еду, правда, пока не спрашивали.

Рюкзак сталкера стал уже почти неподъемным. Датчанин развернулся, и ему послышалось, что странный мужик бормочет ему вслед:

– Многие ходят. Эти еще ничего. Хуже всего те, что с пиками.

Истомин тронулся обратно через заросший двор, распугав каких-то зверьков, похожих на крыс. И увидел слабый луч фонарика – спутники уже искали его. Они стояли у того самого окна, не решаясь отойти. Когда сталкер приблизился, он

услышал:

- Стой, кто идет?

- Да я это, - отозвался он.

- А это еще проверить надо, - дрожащим голосом пробормотал кто-то - кажется, Кишка. Луч света упал на Сергея, и Саня Резаный облегченно произнес:

- Кажись, и впрямь командир. А ну, скажи, кто нас со станции выпускал?

- Да вы чего тут все? Сдурели вконец? - возмутился Датчанин. И увидел дуло автомата, направленное ему в грудь. Оружие находилось в руках у Сани. Истомин чертыхнулся.

- И впрямь сдурели. Лёха Фейсконтроль. Вот кто. Устраивает?

- Не серчай, командир, - сказал Саня, опуская автомат. - Просто когда ты начал непонятно с кем базарить, а потом ломанулся куда-то без оглядки, мы уж не знали, что и думать. Кремль-то близко совсем. Может, тебя уже глючить стало. А может, и нас всех.

- Тьфу, идиоты, - в сердцах сказал Датчанин. - Да чтоб я еще раз...

- Ладно тебе, командир, с кем не бывает. Да только жутко было, когда ты вроде как сам с собой спорить начал, - буркнул Саня Резаный. - Вроде как сам себя спрашивал и сам же отвечал. А мы потом зашли в комнату - нет там никого, а ты по двору прешь, только кусты трещат. Думали уже, что ты звездочку словил и в Кремль потащился.

- И не остановили? - ехидно спросил Датчанин.

- Так это... кому ж охота на съедение, хоть бы и за тобой следом. Да все уж. Проехали. Вернулся ты - и хорошо. А то мы уж думали, как обратно нам идти самим. Пропали б ведь без тебя совсем.

Датчанин раскрыл рюкзак:

– Пока вы там со страху тряслись, я едой разжился. Пошли, еще наберем. Я покажу.

Но его спутники молчали. Наконец Кишка неуверенно сказал:

– Может, хватит, командир? Идем домой.

– Эх, вы, трусы, – возмутился Датчанин. – Как с такими дела делать?

Но остальные по-прежнему мялись, а потом Саня сказал:

– Прав он, командир. Чудные дела тут творятся. Пошли отсюда. Пусть весь хавчик твой будет, мы согласны.

Истомин понял, что уговаривать без толку.

– Ладно, – сказал он. – Давайте хоть распределим по рюкзакам, а то сам все не доволоку.

– А мы чё, обратно так же потопаем? Я мимо того психа не хочу. Подстрелит он нас, – заблажил Скелетон.

– Черт с вами, – вышел из себя Датчанин. – Обратно крюк давать не будем, тем более – с грузом теперь. Я прямо по мосту проведу, но чтоб шли за мной след в след. А назад упаси боже оглядываться, кто обернется – тот не жилец. Со спины у нас Кремль будет.

– А ежели монстр какой нападет сзади? – уточнил Скелетон.

– Значит, помрем. Отставить разговорчики, – гаркнул сталкер. Его так и тянуло добавить – «граждане бандиты», но какие ж они были, если разобраться, бандиты? Храбрые у себя на станции, здесь они превратились в испуганных пацанов.

И он повел отряд прямо по ближайшему мосту через канал в сторону Большой Якиманки. Затея была опасной, особенно с учетом того, что оглядываться было

нельзя. Сзади, в большом сквере, что-то громко ухало и вздыхало, а один раз им даже послышался человеческий крик. Но они упорно шли дальше. Остановились, лишь свернув в проходной двор, откуда можно было по прямой дойти до метро. И обнаружили, что один все же, видимо, оглянулся. Не хватало Скелетона.

- Поискать бы, - прогудел Саня. Маска искажала звуки, Датчанину послышалось: «Поискать бы».

- Сам ищи, - огрызнулся Кишка. - Ишь, умный какой выискался. А мне, может, еще пожить охота.

- Стой, - крикнул Истомин уже развернувшемуся Сане. - А то и тебя искать придется. Пошли уже. Сам он виноват. Где ты его теперь найдешь - его, небось, уже в Кремле доедают.

Резаный поколебался, но все же благоразумие, видимо, взяло верх, и он поплелся за спутниками.

На станции их встретили с восторгом. Такого изобилия консервов здесь не видели давно. Правда, несколько человек траванулось - видимо, частично консервы были порченными, - но такое случалось и раньше, и особого значения этому не придали. К пропаже Скелетона почти все отнеслись философски - кроме Сани. Тот стал как-то задумываться, иной раз подходил к Датчанину и спрашивал:

- Ты как думаешь - он вправду в Кремль ушел? Ведь это он Невесту первый увидел, небось? А с нами-то ничего не будет? Может, не стоило туда ходить, командир?

Датчанин не знал, что отвечать на такие вопросы.

А потом стал задумываться и Кишка. И однажды пропал куда-то со станции. Так и не дознались, куда. Вроде бы он отправился наверх - но больше его никто не видел. Спустя пару дней после его пропажи к Датчанину вновь подошел Саня.

- Слышь? - спросил он. - Ты что про Кишку думаешь?

– Не знаю, – честно сказал Истомин.

– А я думаю, пошел он опять к тому дому, за хавчиком. Да там и остался. Жадность его сгубила. Он меня с собой звал, да я не захотел.

Датчанин опять пожал плечами.

– А скорее всего, он туда даже не дошел, – задумчиво пробормотал Саня. – Может, в Кремль по пути свернул. А нас не было, остановить некому было. А может, кто-нибудь из тварей водяных его уволок. Или он у того типа остался, который на канале сидит. Тот его, небось, тоже своей Ленке в компанию приспособил. Надо бы в этом разобраться.

– Я не пойду, – отказался Сергей. – И тебе не советую.

– Кишка мне друганом был, – вздохнул Резаный. – И Скелетона жалко. Может, не вовсе он пропал, а заблудился только? Может, их еще спасти можно?

– Брось, – сказал Датчанин. – Неподготовленные наверху в первый день-два погибают. Да и фильтры, опять же, не вечные. Даже если не сожрет никто, радиация доконает.

Но он чувствовал, что его доводы кажутся Сане неубедительными – видно, идея поискать друзей крепко запала тому в голову. А попутчиков себе Резаный так и не нашел – услышав, что идти надо чуть ли не под стены Кремля, даже бывалые бандиты начинали креститься. И в один прекрасный день Саня тоже пропал со станции. У Датчанина были кое-какие мысли на этот счет, но он благоразумно держал их при себе.

Сталкера мучила совесть. Он все яснее понимал, что сам виноват во всем: «Надо было сразу от этой затеи отказаться. Зачем я потащил на поверхность неопытных, по сути, мальчишек? Ну, пусть не принесли бы добычи. Но зато все были бы живы. Как ни крути, а я, выходит, за них в ответе».

Иногда приходили мысли и похуже. Ведь не такими уж были они неопытными – всем, кроме Скелетона, случалось уже бывать на поверхности. Но Датчанина не оставляло подозрение, что они каким-то образом «засветились» тогда у Кремля.

Попались на глаза чему-то такому, что вовсе не собиралось отпускать их обратно. Оттого его спутники и не находили себе места, вернувшись на станцию. И при первой возможности ушли обратно – поодиночке.

А о странном незнакомце, встреченном в доме на набережной, Сергей старался вообще не вспоминать. Иногда ему казалось, что все это ему приснилось. Единственное, что было реальностью – принесенные на станцию консервы.

Кое-кто из китайгородских намекал ему, что не худо было бы повторить экспедицию. Некоторые, осмелев, даже в напарники набивались. Но Датчанин отказался наотрез.

А вскоре он начал замечать косые взгляды братвы. Видимо, тогда и начала складываться его репутация как удачливого, но навлекающего беду на спутников, сталкера. Поползли по станции странные слухи. Кое-кто даже поговаривал, что он душу продал темным силам, заключил договор с нечистым, что он знает с сатанистами с Тимирязевской. Датчанина удивляло, что слухи распускали китайгородские отморозки, у которых у самих, по его мнению, и продавать-то черту было уже нечего.

Но тогда ему было не до этого – у него появилась Маша. Пока она ждала его на Таганке, все казалось не таким уж страшным. Пару месяцев назад ее не стало. И он окончательно вернулся сюда, на Китай-город. Здесь вольготнее было себя травить грибами и брагой. Здесь его знали. Правда, не осталось уже почти никого, кто помнил, как он попал сюда впервые – сразу после Катастрофы. Да оно и к лучшему. Пришел он сюда тощим студентом, каких было немало, а теперь он – Датчанин, известный сталкер, хоть и с неважной репутацией. Еще в прежней жизни говорили ему, что главное – сделать себе имя. Сначала, мол, ты работаешь на имя. А потом – оно на тебя. Он сделал себе имя – даже здесь, среди отмороженной братвы. А уж какой ценой и кто помог ему в этом – не столь важно. И он держался, пока была Маша, а теперь все понемногу теряло смысл.

Кармен, наконец, вернулась с пластиковой бутылкой, полной браги. И Датчанин, облегченно вздохнув, припал к живительной влаге.

Глава третья

Голоса мертвых

– Надо будет сходить кое-куда, – задумчиво произнесла Ника.

– Я с тобой, – тут же отреагировала Муся.

За пару недель девочка слегка отъелась, царапины на лице заживали. Но все равно она выглядела еще заморышем. Ника считала, что Муся сполна отработывает пропитание: та охотно исполняла мелкие поручения, глядела в оба глаза, примечала, что вокруг творится, и докладывала «старшей сестре» все, что удавалось узнать интересного и полезного. Но иной раз Нике становилось жутковато – особенно когда она, вдруг проснувшись ночью, видела, что девчонка не спит: сидит, обхватив колени руками, и смотрит на нее пристально. А глаза словно бы чуть светятся в темноте. «Ты чего?» – спрашивала Ника. Муся качала головой, укладывалась, делала вид, что уснула. Но Ника знала – стоит ей самой задремать, и девчонка вновь начнет разглядывать ее. К этому трудно было привыкнуть.

Пришлось позаботиться не только о еде, но и об одежде для бывшей бродяжки. Кое-что из вещей Ника ей собрала – с миру по нитке. Все это старье было девчонке велико, однако в ее положении привередничать не приходилось. Сейчас Муся щеголяла в чьей-то длинной футболке, которая на ней смотрелась как платье. Как ни странно, выглядело это неплохо – попадались на станции личности, одетые куда хуже. По крайней мере, одежда у девочки была относительно чистой, волосы расчесаны и слегка подстрижены, и вшей удалось вывести едким мылом. Сложнее всего было с обувью. В метро о статусе человека можно было судить по степени износа его обуви – не поскупился он на «новую», прямо из магазина, достать которую становилось все труднее, так как ближайшие к метро магазины давно уже разграбили, и цены на которую поэтому зашкаливали, либо купил старую, дешевле. Слегка поношенные ботинки тоже ценились достаточно дорого. Заметно потрепанную обувь продавали по приемлемым ценам, протертую чуть не до дыр можно было купить относительно дешево либо выменять на еду. Случалось, по мере износа обувь кочевала от хозяина к хозяину и успевала сменить трех, четырех, а то и больше владельцев – в зависимости от прочности, – пока не разваливалась окончательно. В метро ничто не пропадало без пользы. Иногда обувь разоблачала владельца: если у какого-нибудь бродяги из-под истрепанных штанов выглядывали приличные ботинки, становилось ясно, что их обладатель – не тот, за кого себя выдает.

Впрочем, можно было допустить, что предыдущий владелец ботинок вынужден был уступить их, не сумев отстоять. Но, как правило, тот, кто носил обувь не по статусу, довольно быстро ее лишался – хорошо, если не одновременно с жизнью.

На Мусе были сейчас стоптанные тапочки, отданные маленькой оборванке одной из девок явно в обмен на какую-нибудь услугу. Окинув напарницу взглядом, Ника решила: «Пожалуй, можно взять девчонку с собой, но придется разориться ей на кеды, что ли. По туннелю в тапках не побегаешь, а если Муся сразу собьет ноги, то станет обузой».

– Первым делом надо нам к челнокам прибиться, – задумчиво сказала девушка. – Потому как собираюсь я на Проспект Мира, а туда в одиночку не пройдешь – кое-где в туннелях неладное творится.

С челноками удалось договориться относительно быстро – целая группа торговцев, распродав свой товар на Китай-городе, как раз собиралась идти на Ганзу. И всего за пять патронов с носа челноки согласились взять двух девчонок. Обычно Ника на всякий случай старалась прихватить кого-нибудь из знакомых братков в качестве телохранителя, но на этот раз никто что-то на Проспект не собирался. Возможно, это было связано с тревожными слухами о неясной угрозе со стороны ВДНХ. И лишь челноки, которых, как известно, ноги кормят, готовы были идти, невзирая ни на что.

– Ник, – спросила Муся, – а ведь по кольцу дрезины ходят. Чего бы челнокам не дойти до Таганки, а там и доехать? Безопасней же.

Ника только хмыкнула:

– Прикинь, во что это им встанет. По пульке с носа за перегон – а их целая кодла. Да они удавятся от жадности. Но дело даже не в этом. У половины из них документы обычно не в порядке, а на Ганзе с этим строго. А так они дойдут до радиальной, многие там и останутся ждать, а двое-трое пойдут на кольцевую, закупают что надо и к остальным вернутся. Я уже эти дела знаю. На Ганзе, конечно, шикарно – свет такой, что глаза режет, все блестит, сияет. Но это на кольце. А на соседней станции скромнее, конечно, зато туда и попасть легче, да и дела там делать можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kalinkina_anna/metro-2033-spastis-ot-sebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)